

*О.М. Шевченко,
Л.Л. Штофер*

КСЕНОФОБИЯ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН*

Шевченко Ольга Михайловна – доктор философских наук, доцент кафедры конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: olgashv2007@yandex.ru

Штофер Людмила Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, e-mail: Filosofiya327@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию ксенофобии как эффективной технологии по созданию образа врага, которая используется в современных информационных войнах. Опираясь на конструктивистский подход в понимании ксенофобии, авторы интерпретируют ее как способ конструирования образа чужого, что позволяет различным политическим силам использовать ксенофобию в информационном конструировании социальной реальности для обеспечения собственного влияния и лоббирования своих интересов в мире.

Ключевые слова: ксенофобия, образ врага, информационные технологии, информационная война, русофобия, исламофобия, государства-изгои.

* Статья выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № 213.01-07-2014/15ПЧВГ «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи».

Сложность социальных процессов, идущих в современном мире, сопровождается кардинальными изменениями в раскладе геополитических сил и субъектов влияния в мировом сообществе, которые связаны с крушением однополярного мира и появлением новых центров политического влияния (Европа, Россия, Китай). В условиях сложившегося политического контекста одним из способов конкурентной борьбы за мировое влияние являются информационные войны, в которых используются медийные средства демонизации образа противника или конкурента.

Эффективной технологией информационного противоборства в мире выступает ксенофобия как способ конструирования образа чужого. Данный способ позволяет управлять поведением человека, формируя в его сознании нужные образы чужих и врагов. Это может быть использовано в разных целях: как для обеспечения собственной безопасности, так и в борьбе за власть, территорию, природные ресурсы.

В социальном знании в понятие «ксенофобия» часто вкладывают представления о естественной для человека склонности мыслить мир в категориях «свои» – «чужие» и о специфических эмоциональных состояниях (страхи/фобии), которые он испытывает при встрече с чем-то чуждым, неизвестным. Но при этом без внимания обычно остается тот факт, что граница, проводимая между своим и чужим, не всегда является естественной, она социально организована и может сопровождаться целенаправленным формированием образа врага.

Анализ научной литературы, посвященной ксенофобии, позволяет говорить о ней как достаточно сложном и противоречивом явлении: с одной стороны, она выступает одним из способов социально-психологической защиты индивида и группы в непредсказуемом и небезопасном мире, а с другой – является элементом политической технологии, конструирующей тот или иной образ чужого для достижения конкретных целей. Интерпретируя ксенофобию как способ конструирования социальных отношений на основе антагонистической оппозиции «свои – чужие», можно говорить о ее эффективности в качестве средства мобилизации социальных групп для отстаивания своих интересов [14, с. 67].

Современный этап общественного развития характеризуется все возрастающей ролью информационной компоненты во всех сферах общественной жизни. Уже в настоящее время прослеживается зависимость всей системы безопасности от информационного фактора.

Информационные технологии стали неотъемлемым компонентом социальной реальности, посредством которого конструируется новая реальность, формируется общественное сознание. В таких условиях ксенофобия приобретает преимущественно инструментальный характер, позволяющий манипулировать массовым сознанием на основе целенаправленного формирования образа чужого или врага. В истории человечества образ врага во всех его ипостасях всегда выступал в качестве эффективного пропагандистского инструмента, который использовался властью для тотального подчинения и управления общественным сознанием населения.

Понятие «враг» («враги») тесно связано с дихотомией «мы – они», «свои – чужие», лежащей в основе ксенофобии. Понятие «враг» уже само по себе несет негативные ассоциации и не может претендовать на бесстрастное отношение к нему, поскольку выражает высшую степень негативного отношения к чужому.

В современной литературе, посвященной изучению концепта врага, имеет место важное методологическое разграничение понятий «враг» и «образ врага». В частности, враг рассматривается как «...актер (явление), представляющий собой реальную или мнимую угрозу самому существованию индивида, группы, социума, носитель антигуманных свойств и качеств» [6, с. 32]. В такой интерпретации враг может ассоциироваться с конкретной личностью, племенем, этносом, нацией, классом, партией, государством и т. д. Но враг и представление о враге, т. е. его образ, могут значительно отличаться друг от друга, так как общественное сознание отражает не только объективную реальность, но и оценочные интерпретации, и эмоциональные компоненты восприятия.

Таким образом, информационное конструирование образа врага опирается на различные негативные представления, позволяющие осуществлять ее дегуманизацию и демонизацию в общественном сознании.

Теснейшая взаимосвязь современных войн и новых коммуникационных технологий ставит перед глобализирующимся миром новые проблемы: постиндустриальная эпоха характеризуется все возрастающей ролью информационной компоненты во всех сферах общественной жизни. Посредством глобальных и региональных компьютерных и телекоммуникационных сетей конструируемый образ врага используется различными политическими силами для обеспечения собственного влияния и лоббирования своих интересов на глобальном, региональном и национальном уровнях.

Современные информационные технологии позволяют использовать новые формы борьбы за власть, за влияние в мире, напрямую не связанные с вооруженным насилием. В первую очередь речь идет о целенаправленной дискредитации противника в глазах мирового сообщества, манипулировании общественным сознанием собственного населения, нагнетании панических настроений в рядах противоборствующей стороны и т. д. Вышеназванная тенденция, по мнению исследователей, подрывает основу существования «классической» войны как исключительно вооруженного насилия [15].

Важно отметить, что в отечественной научной литературе устойчивая терминология, связанная с осмыслением информационной войны, пока отсутствует. Имеет место вариативность исследовательских позиций. Например, Г.Г. Почепцов определяет информационную войну как «... коммуникативную технологию по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями» [9, с. 20]. В справочных изданиях информационная война определяется как «действия, предпринимаемые для достижения информационного превосходства в интересах национальной военной стратегии и осуществляемые путем влияния на информацию и информационные системы противника при одновременной защите собственной информации и своих инфосистем» [2, с. 56].

Более концептуальным представляется определение, данное В.Ф. Прокофьевым: «Информационная война – это широкомасштабная информационная борьба с применением способов и средств информационного воздействия на психику людей, в первую очередь на их индивидуальное и общественное сознание, а также на функционирование технических средств в интересах достижения целей воздействующей стороны» [10, с. 27].

Анализ публикаций показывает, что по направленности воздействий информационная война подразделяется на информационно-техническую и информационно-психологическую: в первом случае главными объектами воздействия и защиты являются информационно-технические системы связи, телекоммуникации, радиоэлектронные средства, компьютерные сети и т. д.; во втором – психика личного состава Вооруженных сил и населения противника, система формирования общественного мнения и принятия решений.

По нашему мнению, эти аспекты информационной войны взаимосвязаны. Их объединяет единое информационное поле, в рамках которого разворачиваются современные наступательные и оборонительные операции.

Во второй половине XX в. в связи с начавшимся глобализационным процессом, а также с появлением телевидения и глобальных информационных сетей, прежде всего Интернета, во-первых, повысилась эффективность ведения информационной войны; во-вторых, значительно расширились возможности её ведения. Так, в условиях глобализации экономики информационная война стала по-настоящему грозным оружием. В случае возникновения напряженности в межгосударственных отношениях, лишь нагнетая истерию по поводу возможных санкций, можно нанести серьезный урон экономической и финансовой сферам противника. Результатом становятся отток капиталов, сокращение зарубежных инвестиционных проектов, обрушение рынка ценных бумаг противника и, как следствие, девальвация его национальной валюты. Проблемы в экономике неизбежно затрагивают социальную сферу, что пагубно влияет на политическую стабильность внутри страны. Последнее обстоятельство может спровоцировать массовые волнения и даже привести к социальной революции, что чаще всего является стратегической целью информационного воздействия.

Исследователи отмечают, что «информационные войны на современном этапе приравниваются к оружию массового поражения, поскольку они преследуют множество целей: от поражения системы государственного управления, пунктов военного управления, противодействия средствам управления огнем до воздействия на личный состав и морально-психологическое состояние общества» [1, с. 88].

Важно отметить, что в условиях информатизации всех сфер жизни современного общества трансформации подвергаются субъект и объект войны, а также средства её ведения. Если в недалеком прошлом субъектом войны было только государство либо его коалиции, то в настоящее время подобный статус приобретают как различные группировки (прежде всего экстремистской и террористической направленности), имеющие, как правило, свой рупор в СМИ (катарский канал «Аль-Джазира»), так и отдельные личности, выступающие через собственные сайты (Дж. Ассанж, Wikileaks) либо использующие сторонний информационный ресурс (Эд. Сноуден). Последними яркими примерами стали сокрушительные по своей разоблачающей силе информационные вбросы, связанные с деятельностью американских разведывательных служб.

В современном мире гораздо отчетливее и с неменьшим разрушительным эффектом проявляется психологическая ипостась информационной войны. Целенаправленно организуемая и направляемая государством, она задействует все имеющиеся ресурсы. Опираясь на ис-

торические факты (определенным образом отобранные и интерпретируемые), апеллируя к стереотипам общественного сознания, чувству национальной исключительности (либо, напротив, ущемленности), ценностно-мировоззренческим установкам, различные государственные структуры в лице полномочных представителей, включая и первых лиц государства, делают публичные заявления, конструктивной основой которых выступает архаическая дихотомия «мы – они», «свои – чужие». «Мы»/«свои» – гаранты мира и процветания, борцы за справедливость, безопасность, общечеловеческие ценности, следовательно, мы персонифицируем добро. «Они»/«чужие» преступно попирают базовые принципы общечеловеческого существования, грубо нарушают нормы международного права, осуществляют агрессивную политику, следовательно, являются воплощением зла.

Информационная война в её классической вербально-манипулятивной форме латентно протекает в периоды относительной политической стабильности, начиная активно проявляться в периоды обострения межгосударственных отношений. Традиционно усиливает негативный заряд, распространяемый по информационным каналам, тщательно подобранный, а иногда и откровенно сфабрикованный (с целью моральной дискредитации противника) видеоряд.

Организаторы информационно-психологической войны, как и создатели любого массмедийного продукта, менее всего призывают к человеческому разуму, поэтому никогда не приводят подлинные факты в их целостности, не показывают явление в его диалектическом единстве. Они апеллируют к эмоционально-волевой сфере, стремясь в первую очередь вызвать взрыв негодования, актуализировать низменные чувства ненависти и жажды мщения.

Последний из примеров полномасштабной информационной войны с участием третьих стран (Европы и США) связан с событиями в Украине, нежеланием мирового сообщества признать право юго-востока страны и его населения на политическую автономию.

В настоящее время мы можем наблюдать, как осуществляется новый виток консолидации западного мира на основе конструирования образа врага в лице России.

В связи с политическим кризисом в современной Украине сегодня в мировом информационном пространстве наиболее актуальным видом ксенофобии является русофобия, распространяемая украинскими и западными средствами массовой информации. В основе «взрыва» русофобии в современном информационном пространстве лежат, во-первых, политические амбиции США, их притязание на мировое господство и

сохранение любыми способами модели однополярного мира; во-вторых, стратегии решения сырьевой проблемы глобальным центром (странами «золотого миллиарда») за счет захвата ресурсов периферийных стран посредством их целенаправленного ослабления вплоть до подчинения или полного уничтожения; в-третьих, продолжающийся процесс строительства в Украине национального государства и формирования национальной идентичности, который сопровождается использованием агрессивной русофобии в качестве эффективной технологии политического конструирования украинской нации.

Информационное конструирование образа врага в лице России опирается на различные негативные представления, позволяющие осуществлять дегуманизацию и демонизацию страны в общественном сознании [4]. В адрес России звучат обвинения в совершении кровавых преступлений в прошлом и настоящем, приписывается подготовка зловещих планов в будущем. В результате образ России как врага демонизируется, становится воплощением абсолютного зла. Главная задача работы западных массмедиа заключается в том, чтобы убедить мировое сообщество в возрождении у России имперских амбиций, ее нацеленности на захват чужих территорий и возможной военной угрозе с ее стороны для стран новой Европы (Латвии, Литвы, Польши и т. д.).

Результатом нагнетания в мировых СМИ антироссийских настроений стал откат не только в отношениях России и Запада, но и в отношениях России со своим ближайшим соседом. Его последствия не могут быть измерены исключительно экономическими показателями. Они намного серьезнее, поскольку затрагивают индивидуальное и общественное сознание населения Украины, способствуют оживлению ксенофобского дискурса, русофобских настроений на территории сопредельного государства.

Стратегической целью информационной войны, активно использующей русофобию, является вытеснение России с мировой политической арены и внесение ее в список так называемых государств-изгоев. Именно это, по мнению русофобски настроенных американских политических деятелей, позволит устранить Россию с политической арены как субъект политики.

Термин «государства-изгои» возник во внешнеполитическом дискурсе США в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., объединив ряд стран и включив их в мировую «ось зла» [13]. На протяжении всего периода активного использования этого термина в категорию изгоев попадали такие страны, как Иран, Ирак, Северная Корея, Ливия, Куба, Сирия. Важно отметить, что феномен государств-изгоев в качестве

чужих как объектов ксенофобии конструировался не на идеологическом (как ранее), а скорее на нормативно-институциональном основании: в качестве критерия принадлежности выступало нарушение этими государствами определенных норм международного права и основанного на нем политического поведения. Однако не следует забывать, что государства-изгой играют роль чужого для международного сообщества, организованного именно вокруг США и входящего в зону их влияния.

Направленность интересов США на основные мировые регионы, выделение «враждебных» государств с их последующим преследованием вплоть до применения военной силы (Ирак, Сирия), экономического эмбарго (Куба), открытого давления (Иран, Северная Корея, Ливия), экономических санкций (Россия) приводит к тому, что Америка, постулируя свои правила по отношению к другим суверенным государствам, сама регулярно нарушает нормы международного права. В борьбе за усиление своего влияния в мире США используют различные виды ксенофобии для защиты своих интересов в мировом масштабе. Так, помимо русофобии, осуществляется демонизация ислама, приводящая к распространению массовой исламофобии в современном мире.

Заместитель ректора Сассекского университета профессор Г. Конвей, руководивший проектом по исследованию исламофобии, определил это новое явление как «...боязнь и ненависть к исламу и мусульманам, присущие СМИ всех уровней, и распространение во всех слоях общества. Исламофобия проявляется в изображении ислама как цивилизации не отличной от Запада, а отсталой; мусульманской культуры – не как многоликой и прогрессивной, а застывшей и статичной, враждебной к инакомыслию и дискуссиям, патриархальной и женоненавистнической, фундаменталистской и потенциально угрожающей другим культурам». В сжатом виде эту идею сформулировал Р. Траст: «Ислам – не партнер, а враг» [5].

В понимании причин исламофобии можно выделить три направления.

Представители первого полагают, что сегодняшняя исламофобия является продолжением исторического противостояния между христианством и исламом, начавшегося в средневековый период. Многие авторы заговорили о возвращении к временам крестовых походов [12].

Представители второго направления (А.И. Уткин, П.К. Гречко и др.) усматривают причины появления исламофобии в том массовом страхе, который был порожден террористической атакой на Всемирный торговый центр в 2001 г. С точки зрения П.К. Гречко, заблужде-

нием является широко распространенное мнение, согласно которому США вполне успешно продвигают свои ценности по всему миру. Он полагает, что США, напротив, обороняются от врагов: «...сегодня их новым врагом, сменившим идеологического оппонента времен холодной войны, становится современный международный терроризм, который отождествляется с новым проявлением варварства...» [3, с. 47]. Только на первый взгляд кажется, что США продолжают политику высокомерного всепобедительства в отношении исламских государств (Афганистан, Ирак), сопровождающуюся их фактической оккупацией, принудительной сменой политической власти, стремлением установить контроль над природными ресурсами. В реальности политика насилия США обусловлена экзистенциальным страхом перед радикальным исламом. Поэтому в международных делах образ мусульманина часто демонизируется и персонифицирует собой враждебную Западу цивилизацию, что собственно позволяет легитимировать политику США на Среднем Востоке и в Южной Азии.

Ряд исследователей акцентируют внимание исключительно на прагматических интересах в формировании и распространении исламофобии, рассматривая ее как «...политический акт определенных кругов мира в целях создания искусственного “врага” для оправдания увеличения военных расходов» [8, с. 95].

Считается, что рост современного исламского радикализма является одним из реальных ответов на глобальные притязания Запада в сфере управления мировым сообществом и контроля над ним. В результате для многих американских политиков после окончания холодной войны новым идейным врагом стал «воинственный исламизм». Исследователи отмечают, что негативный образ ислама конструируется посредством информационного распространения «негативных стереотипов и мифов (темы международного терроризма, хиджаба, положения женщины и др.) ... Сейчас для западного обывателя ислам выполняет такую же роль “пугала”, как до 1990 г. Советский Союз и идея коммунизма» [11, с. 47].

Воспроизводство различных видов ксенофобии (кавказофобия, русофобия, исламофобия, этнофобия) активно используется в информационных войнах на Кавказе с целью дестабилизации этнополитической ситуации. Противодействие этим деструктивным технологиям может быть успешным лишь в случае усиления социального партнерства государства, гражданского общества, науки и бизнеса [7, с. 85].

В целом можно сделать вывод о том, что в условиях современных геополитических трансформаций, связанных с перераспределени-

ем зон влияния, ксенофобия в своих различных видах выступает эффективной политической технологией информационных войн, которая используется различными политическими силами (в частности западными) для обеспечения собственного влияния и лоббирования своих интересов как на глобальном, так и региональном уровнях.

Литература

References

1. *Бабаянц Ю.А.* О различных аспектах информационных войн // Информационная война против Российской Федерации: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности РФ: материалы круглого стола. М., 2011. С. 88–93.
2. *Геополитика, международная и национальная безопасность.* М., 1999. 220 с.
3. *Гречко П.К.* Понятие «мирового порядка» в контексте глобальных преобразований // Глобализация и мультикультурализм. М., 2005. 332 с.
4. *Дегтярев А.К., Черноус В.В.* Западная социальная мысль: комплекс культурного расизма и русофобии // *Философия права.* 2012. № 2. С. 70–75.
5. *Калет А., Собянин А.Д.* Исламофобия // *Научно-культурологический журнал.* 2012. № 17 (255). 16 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru> (дата обращения: 20.09.2014).
6. *Козырев Г.И.* «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // *Социологические исследования.* 2008. № 1. С. 31–39.
7. *Крамарова Е.Н., Черноус В.В.* Кавказоведение: роль в процессе реинтеграции, становления российской гражданской идентичности и потенциала бизнеса // *Научная мысль Кавказа.* 2014. № 4. С. 82–89.
8. *Мирзахмедов А.* Феномен ислама // *Социологические исследования.* 2003. № 3. С. 93–96.
9. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М., 2000. 523 с.
10. *Прокофьев В.Ф.* Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание. М., 2003. 408 с.
11. *Халидов Д.Ш.* Об информационной войне на Западе и кое-что о геополитике //

1. *Babajanc Ju.A.* O razlichnyh aspektah informacionnyh vojn // *Informacionnaja vojna protiv Rossijskoj Federacii: instutualizacija informacionnogo protivoborstva v kontekste realizacii Strategii nacional'noj bezopasnosti RF: materialy kruglogo stola.* M., 2011. S. 88–93.
2. *Geopolitika, mezhdunarodnaja i nacional'naja bezopasnost'.* M., 1999. 220 s.
3. *Grechko P.K.* Ponjatie «mirovogo porjadka» v kontekste global'nyh preobrazovanij // *Globalizacija i mul'tikul'turalizm.* M., 2005. 332 s.
4. *Degtiarev A.K., Chernous V.V.* Zapadnaia sotsial'naia mysl': kompleks kul'turnogo rasizma i rusofobii // *Filosofiaa prava.* 2012. № 2. S. 70–75.
5. *Kalet A., Sobjanin A.D.* Islamofobija // *Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal.* 2012. № 17 (255). 16 nojab. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.relga.ru> (data obrashcheniya: 20.09.2014).
6. *Kozyrev G.I.* «Vrag» i «obraz vraga» v obshhestvennyh i politicheskikh otnoshenijah // *Sociologicheskie issledovanija.* 2008. № 1. S. 31–39.
7. *Kramarova E.N., Chernous V.V.* Kavkazovedenie: rol' v protsesse reintegratsii, stanovleniia rossiiskoi grazhdanskoi identichnosti i potentsiala biznesa // *Nauchnaia mysl' Kavkaza.* 2014. № 4. S. 82–89.
8. *Mirzahmedov A.* Fenomen islama // *Sociologicheskie issledovanija.* 2003. № 3. S. 93–96.
9. *Pochepcov G.G.* Informacionnye vojny. M., 2000. 523 s.
10. *Prokof'ev V.F.* Tajnoe oruzhie informacionnoj vojny: ataka na podsoznanie. M., 2003. 408 s.
11. *Halidov D.Sh.* Ob informacionnoj vojne na Zapade i koe-chto o geopolitike //

Информационная война против Российской Федерации: институализация информационного противоборства в контексте реализации Стратегии национальной безопасности РФ: материалы круглого стола. М., 2011. С. 43–73.

12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. 603 с.

13. Харкевич М.В. Государства-изгои как образ «другого» в мировой политике // Политические исследования. 2009. № 4. С. 99–110.

14. Шевченко О.М. Сущность и виды ксенофобии: история и современность. Ростов н/Д., 2013. 204 с.

15. Штофер Л. Л. К вопросу о дуальной роли информационных технологий в глобализирующемся мире // Философские проблемы: вчера, сегодня, завтра. Ростов н/Д., 2009. С. 86–101.

Informacionnaja vojna protiv Rossijskoj Federacii: institualizacija informacionnogo protivoborstva v kontekste realizacii Strategii nacional'noj bezopasnosti RF: materialy kruglogo stola. M., 2011. S. 43–73.

12. Hantington S. Stolknovenie civilizacij. M., 2003. 603 s.

13. Harkevich M.V. Gosudarstva-izgoi kak obraz «drugogo» v mirovoj politike // Politicheskie issledovanija. 2009. № 4. S. 99–110.

14. Shevchenko O.M. Sushhnost' i vidy ksenofobii: istorija i sovremennost'. Rostov n/D., 2013. 204 s.

15. Shtofer L.L. K voprosu o dual'noj roli informacionnyh tehnologij v globalizirujushhemsja mire // Filosofskie problemy: vchera, segodnja, zavtra. Rostov n/D., 2009. S. 86–101.